

ВСЕ НАШЕ творчество неразрывно связано с эпохой. «Чистое» искусство, абстрактное понимание прекрасного не могут удовлетворить советского художника. Когда мы хотим сказать о прекрасном, большем, светлом, мы говорим о Родине, о народе-гиганте, о советском человеке. Не случайно на сцене театра имени Владимира Маяковского почетное место занимают пьесы А. Арбузова «Иркутская история», В. Пановой «Проводы белых ночей», А. Штейна «Океан», М. Шатрова «Современные ребята» и многие другие — все это разговор о наших днях и наших людях.

Но разве современность — жизнь одной нашей страны? Поэтому, когда мы хотим показать жизнь другого общества, где нет закона «человек человеку — друг, товарищ и брат», то ищем и в классике пьесы, которые раскрывают волчки законы чуждых нам миров. Часто устами величайших драматургов мы разоблачаем гнусную современность капиталистической жизни.

Возьмите Шекспира — «Отелло», «Король Лир», «Гамлет». Помните, как Гамлет говорит о «мире-тюрьме»? Неважно, принц он или не принц, главное — мятежный ум этого героя, прозорливые глаза, чудесное человеческое достоинство Гамлета, студента Виттенбергского университета. Всю свою жизнь он посвятил страстной борьбе против хищного мира клавдиев, полониев, гильденстернов и розенкранцев.

Нам не нужно восстанавливать греческий театр времён Эврипида или ставить «Гамлета» так, как когда-то было во времена Шекспира. Мы не занимаемся реставрационными задачами. Постановка «Медеи» — тоже оружие в идеологической борьбе двух обществ, в борьбе против тех изуверов, которые замахиваются на человечество атомными и водородными бомбами.

Они кричат о «свободе» человека, о том, что у них-де каждый делает то, что ему хочется. Какая уж тут свобода, когда старого, но юного сердцем философа Бертрана Рассела ведут в тюрьму только за то, что он протестует против войны, когда лучший сын греческого народа Манолис Глезос заточен в каменные казематы. Художник делает то, что ему хочется? Неправда. Меня приглашали в Грецию для постановки фильма «Илиада» по Гомеру. Но люди, финансировавшие фильм, потребовали выкинуть многие важные сцены. Пришлось отказаться, потому что нельзя же искажать Гомера, хотя мне очень хотелось снова сделать режиссерскую работу в кино.

ПОДЛИННАЯ свобода творчества — право искать, фантазировать, придумывать, мечтать — существует только в нашем обществе. Меня увлекает до сих пор мысль о создании «Театра потрясений». Знаменитый французский художник Матисс писал, что искусство — это «удобное кресло», в котором должны отдыхать зрители после работы, особенно после тяжелой физической работы. Неправильно. Мы считаем, что люди приходят в театр тоже для работы. Ведь перемена объекта труда является лучшим отдыхом. Гениальный физиолог Павлов после своих

Театр, время, жизнь

Н. П. ОХЛОПКОВ, народный артист СССР

умственных занятий с удовольствием рубил дрова и ездил на велосипеде. Когда вы работаете у себя на предприятии, нужны точные цифры, линии, планы, предложения. А в театр приходите пофантазировать! Это сладостная, волнующая работа ума и сердца. И как бы вы ни страдали и ни переживали, смотря «Медею», знайте — в ней есть то, что еще Аристотель называл «катарсис» — очищение. Здесь горе переживается творчески, эстетически, и человек выходит после самых сильных переживаний еще более сильным. Зритель становится поэтом. Как это прекрасно и как важно, когда тысячи людей со своими непохожими характерами начинают поэтически осмысливать мир.

Вот почему, в частности, мы редко прибегаем к полной, дошлой декорации. Совершенно замечательно оформление В. Рындиным «Медеи». Чтобы для зрителя не было «загадки», хватает только намека. Зачем в «Полчанских садах» Л. Леонова горюдит целый сад, когда достаточно одной веточки. Некоторые режиссеры, ссылаясь на меня, говорят: «Ничего не надо на сцене». Охлопков в 1934 году ставил «Аристократов» — ничего нет на сцене. Актеры играют и холод, и ночь, и снег, и день. Это, конечно, преувеличение. Но, действительно, никакая темнота на сцене не создает иллюзию ночи, если темноту не «играют» актеры.

Некоторые удивляются, зачем в современной постановке «Медеи» мы использовали маски? Крупный план — большое средство воздействия на зрителя. Сейчас может быть крупный план в кино или модернизация экикклемы — крупного плана театра. В древней Греции экикклема тоже была. Мы позволили себе воспользоваться в кульминационные моменты опытом древнего греческого театра и для своеобразного эксперимента. Отсюда — маски в нашем спектакле. Если следующее за нами поколение будет ставить где-нибудь на стадионе греческую или современную трагедию (а так будет, не сомневайтесь), как же быть там с крупным планом? Может быть, воспользуются нашим опытом?

Могучим средством воздействия является и голос актера. К

сожалению, не всегда можно им пользоваться. Например, в театре Советской Армии артисты срывают голоса и вынуждены играть чаще всего на первом плане — очень плохая акустика. Не намного лучше она и в Концертном зале имени Чайковского. Нашим архитекторам нужно, наконец, научиться строить акустически приемлемые театры. Может быть, им лучше использовать опыт прошлого?

В древней Греции для постройки театра тщательно выбирали место, учитывая расположение гор и холмов. В одном из открытых старинных греческих театров я сел в самом последнем ряду и попросил переводчика сказать несколько слов со сцены. Он стал читать Маяковского, потом Чехова. Слышимость была изумительная. А потом один сопровождавший нас грек взял папиросу, снял с нее бумажку и разорвал. С последнего ряда был отчетливо слышен шорох разрываемой папиросной бумаги. Признаться, позавидовал я актерам прошлых тысячелетий и посоветовал на наших акустиков.

ВОСХИЩАЮСЬ актерами, люблю их и чрезвычайно им доверяю. Им нужно верить — они в состоянии сделать все. И нельзя упрощенно подходить к их творческим задачам. Актеров надо тренировать интеллектуально и душевно на решение самых сложных творческих задач.

Вспоминаю Евгению Козыреву, например, во время постановки «Грозы». В сцене, где Катерина кончает самоубийством, Козырева на репетиции все время плакала, «жалела себя», она была «несчастной женщиной», «прибитой судьбой». А нам хотелось видеть женщину-мятежницу, чтобы самоубийство Катерины было вызовом и протестом тому обществу, в котором она живет.

После ряда этюдов мы напомнили Козыревой о французенке Раймонде Дьен и попросили ее сыграть такую сцену: на станцию сейчас идет поезд с солдатами, едущими на «грязную войну» во Вьетнаме. Раймонда Дьен должна его остановить. Она идет по рельсам, слышит гул поезда, вот он приближается, совсем близко, летит на тебя, крик: «Стой!» — и все. И вот с каждым этюдом у Козыревой все более отчетливо выявляется и ярость против солдат, и осторожность, чтобы ее раньше времени не пристрелили часовые, и смелость, и отчаянность. Потом мы

даем ей еще более трагический этюд, и она изо дня в день растет творчески, воссоздавая в себе нужный трагический темперамент. Я не думаю, чтобы она сразу так хорошо сыграла бы «Медею», если бы не была подготовлена в «Грозе».

Благодатный актер для режиссера Евгений Валерьянович Самойлов. Ему не надо часто давать этюдов. Только поднесешь «спичку» замысла — и его темперамент сразу вспыхивает. Но ведь и он прошел огромную жизненную и актерскую школу.

Конечно, классика — великолепная творческая практика. Совершенно ясно, что техника, речь, пластика актера лучше всего и ярче всего совершенствуются на классическом материале. Об этом подчас забывают, хотя без умения играть Шекспира и Эврипида трудно хорошо сыграть современные пьесы. Горько, что некоторые режиссеры и актеры всю жизнь проносят мечту о том или ином спектакле, роли, но без предварительного накопления сил так и не решаются или не могут ее осуществить.

САМОЕ важное для советских художников — что у нас один великий учитель, имя которому — Революция. Великая Октябрьская революция, великая культурная революция нашего народа, великий прогресс страны. Этот учитель позволяет нам быстро и глубоко всмотреться в жизнь и увидеть, что основное, а что преходящее, временное. Все мы должны идти в ногу со своим народом, жить его делами, думами, чаяниями. Глубоко ошибается тот, кто думает, что артиста создают несколько часов ежедневных репетиций и четыре часа спектакля. Та же Евгения Козырева не только актриса, но и общественный деятель. Во время Великой Отечественной войны она была разведчицей. Без этого, вероятно, тоже ей было бы трудно играть роли, требующие острых «духовных глаз», живого восприятия действительности, внутренней динамичности и... умения быть спокойным, когда это требуется.

...Вечерами театральный зал заполняют оживленные, празднично настроенные, ждущие чего-то необыкновенного люди. В эти минуты нам становится особенно ясной ценность и ответственность своего труда. Тысячи глаз смотрят на нас из зала. Это люди настоящего и в то же время близкого коммунистического будущего. Театр должен быть достоин своего великого современника!